

Вырезка из газеты

ТРУД

г. Москва

127.08.1983

«МНЕ особенно дорог образ смешного и грустного, пусть немного чудаковатого, но открытого и понятного человека. Я хочу поведать людям весело о серьезном», — так говорит народный артист Армянской ССР, лауреат Государственной премии СССР Фрунзик Мкртчян.

В кинематографической биографии этого актера уже более пятидесяти фильмов. В подавляющем большинстве случаев его приглашают на комедийные роли, написанные зачастую специально для него. И каждое появление актера на экране вызывает в зале улыбку и смех.

— В последних фильмах у вас, комедийного актера, трагические роли. Чем объяснить смену амплуа?

— Заданное раз и навсегда амплуа — явление негативное. И понимаю это не только я. Есть режиссеры, которые не боятся ломать устоявшиеся стереотипы, приглашают «комиков» на роли глубоко драматические. В театре имени Сундукяна, где я работаю, таких ролей сыграл уже немало. И в кино они у меня есть — «Наалет», «Солдат и слон», «Песнь прошедших дней»... О последнем, правда, разговор особый.

...По улицам небольшого армянского города мчится фазтон — весь в афишах. Самодеятельные актеры зазывают жителей в рабочий клуб на премьеру нового спектакля. Он очень смешной, этот спектакль о Храбром Назаре. Но когда поднимается занавес и собравшиеся, предвкушая забавные приключения героя, уже шумят, подсказывают актерам первые реплики, на сцене появляется человек без грима. Сквозь хохот и шум он говорит в зал: «Люди, война!». На календаре — 22 июня 1941 года... Так начинается новый фильм «Песнь прошедших дней», снятый на киностудии «Арменфильм» режиссером Альбертом Мкртчяном. Одну из главных ролей играет Фрунзик Мкртчян.

— Фильм этот для нас с братом особенно дорог. В нем мы вернулись к своему детству. Хотя и далеко от нашего города Ленинакана шли сражения, линия фронта была прочерчена в судьбах каждого его жителя. Об этом и попробовали мы рассказать в фильме «Песнь прошедших дней».

В нем нет ни одного вымышленного персонажа — все действующие лица носят те имена, под которыми мы их знали. Это наши соседи по дому, улице, люди с текстильной фабрики, с которой неразрывно связана судьба нашей семьи. Это почтальон Никол, которого никогда не забыть...

Бродит по городу неприкаянный, сторбившийся человек в солдатской гимнастерке, которая хранит еще запахи пороха и гари, и не знает, как отдать соседке «похоронку» на сына... Этот человек, который как бы сконцентрировал в себе всю боль, все потери, хочет понять, почему горстка таких же, как он, фронтовиков, члехстанных войной, пробует все же поставить на сцене рабочего клуба прерванный 22 июня спектакль о Храбром Назаре. Нет, неистребима в душе человека мечта о светлом празднике!

Они поставили этот спектакль в мае сорок пятого. Пусть в том спектакле старший из Мкртчянов —

Фрунзик выступал лишь в роли статиста, а младший Альберт — в качестве зрителя. Главное, спектакль состоялся, утверждая жизнь и человеческое добро!

— Фильм снимался на нашей улице, где прошло наше детство, во дворе нашего дома, где мы мальчишками сажали деревья, давая каждому саженцу человеческое имя. У фабричной столовой, где мама, работавшая судомойкой, в окно подавала нам печеную картошку — лучшее лакомство в те военные годы. И я очень горд, что мой младший брат ничего не забыл — ни холод военных лет, ни суровую нежность зала, где мы играли свой спектакль, ни почтальона Никола...

Все, кто работал над фильмом, решили: премьера должна состояться именно здесь, в Ленинакане, на сцене рабочего клуба. И пусть в зале будут те, кто пережил войну, их дети, внуки, правнуки. И она

состоялась. Только Никола в зале уже не было...

— Ваш путь в искусство начинался с этой же сцены текстильной фабрики?

— С этой же. Правда, мне сперва доверили будку кинемеханика, я был его помощником. А затем уже дали и первую роль...

— Вы сыграли ее успешно?

— Я бы не сказал... Ставили в клубе «Нмус» классика армянской литературы Александра Ширванзаде. В день премьеры заболел актер, игравший роль слуги. Тут-то и вспомнили о «верзиле» из кинобудки, то есть обо мне. Объяснили: выйдешь на сцену и скажешь всего два слова: «Конь готов». Конечно, я заверил, что все будет в порядке. И вот драма близится к развязке — герой собирается убить свою жену за неверность. Он приказывает подать коня. В зале в основном старики и старухи, ручьем текут слезы. И тут входит слуга, то есть я, и что, вы думаете, говорит? Вместо «Конь готов» я рассеянно смотрю по сторонам и произношу: «Что... хозяин?» Зал от слез — к смеху. «Тебя на пушечный выстрел нельзя подпускать к театру!» — кричал мне вслед режиссер.

Друзья все же уговорили режиссера доверить мне новую роль. Он доверил. А ставили мы тогда «Гикора» по произведению классика армянской литературы Ованеса Туманяна. Я играл купца Базаз Артема, а в роли Гикора — армянского Ваньки Жукова — дебютировал мой братишка Альберт. По роли купец должен отшлепать мальчонку. И случилось так, что в этот день брат мой успел дома набедрокнуть. Экзекуцию я провел на сцене с особым рвением. Шлепаю и слышу звонкий голос матери из зала: «Не смей бить ребенка, изверг!» Разумеется, взрыв хохота...

Но именно здесь, на сцене клуба текстильщиков, заметил меня замечательный актер Жан Элоян и пригласил в Ленинанский драматический театр. Потом был художественно-театральный институт в Ереване, где моим педагогом стал выдающийся мастер нашей сцены народный артист СССР Вагарш Вагаршян, устроивший меня «по знакомству» прямо на второй курс. Одна милая и очень доброжелательная актриса со вздохом тогда заметила: «Этот парень когда-нибудь смотрел на себя в зеркало?» Но Вагарш Вагаршян верил в меня. И когда в театре имени Г. Сундукяна, на сцене которого он блистал, ставили «Эзопа», он взял меня, студента, своим дублером. А если к этому добавить, что меня приняли затем в этот коллектив без диплома об окончании вуза, то согласитесь: с театральной биографией мне повезло.

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ФРУНЗИК МКРТЧЯН

А с кинематографической?

— Мой кинобиография хоть и началась поздно, но зато с таких «крестных режиссеров», как Генрих Малаян, Леонид Гайдай, Ролан Быков, Георгий Данелия. Разные это мастера, но объединяет их уважение и доверие к актеру, бережное отношение к его собственным замыслам. То, что не нравилось другим режиссерам («Ниагарский водопад фантазии», «Ты ему предлагаешь две тракторки, а он тебе — десять»), им оказалось в самый раз. Они не считают капризом актера, если он разбивает сценарий по косточкам, трактует эпизоды по-своему, спорит, доказывает.

— И последний вопрос: над чем вы сейчас работаете? В какой роли мы вас увидим — комедийной или драматической?

— ...В амплуа театрального режиссера. Недавно поставил на сцене нашего театра «На дне». Постановка горьковской пьесы — серьезный экзамен и для маститого режиссера, а для меня — тем более. У многих, прочитавших мое имя на афише, это вызвало улыбку. Спрашивают: не намерен ли я поменять профессию? Нет, не намерен.

Что же касается кино, то, несмотря на ряд предложений, предпочитаю помолчать. Правда, планы есть. Мой младший брат работает над сценарием нового фильма и грозит написать специально для меня роль.

— Знаю, что нарушаю традицию, задавая после «последнего вопроса» еще один. Но «родственный дуэт» — дело верное?

— Конечно. Тому есть прекрасные образцы: братья Гонкуры, братья Старостины. Я говорил тренерам ереванского «Арабата»: наберите в команду братьев, тогда будут поражать цель и левой, и правой ногой.

Беседу вел А. САВАЯН.